

— Ми́ра Ха́ртвелл —

Последний бокал осени

ФЕСТИВАЛЬ
СБОРА
ВИНОГРАДА

ИНОДЕЛЫНЯ
ИЖНЫЙ МАГАЗИН
ИБЛИОТЕКА
ПЕРВЫЙ ПРЕСС
НАБЕРЕЖНАЯ

ВИНО
КНИГИ
ТАЙНЫ
ЛУЧШЕ,
ЕСЛИ
ВМЕСТЕ

АГАТА КРИСТИ

НАЙО МАРШ

ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС

Э. СТЭНЛИ ГАРДНЕР

Все улики
перед вами.
Угадайте
убийцу раньше
нас!

Мира Хартвелл

Последний бокал осени

«Автор»

2026

Хартвелл М.

Последний бокал осени / М. Хартвелл — «Автор», 2026

Прибрежный городок в винном регионе Новой Зеландии. Южная осень, сбор винограда, ежегодный фестиваль урожая — и убийство, которого здесь не ждали. Элеанор Хейс, 58 лет, библиотекарь в отставке, владелица единственного в городе книжного и ведущая локального true-crime подкаста. Маргот Эллингтон, 63 года, экс-винодел с лучшим нёбом в регионе и худшим характером (по её собственному признанию). Когда на церемонии первого пресса погибает владелица конкурирующего винного погреба, а лучшую подругу героинь задерживает полиция, двум пенсионеркам приходится стать сыщицами: одной — с диктофоном, другой — с секатором. Им помогают сердитый кот Барнаби (строго морально), фуд-блогер с камерой и весь город — а мешает, как водится, убийца, который ходит рядом и улыбается. Честная головоломка в духе золотого века детектива: все улики показаны читателю, и убийцу можно угадать раньше героинь. Если сможете.

© Хартвелл М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. «Вторая глава»	6
Глава 2. Дегустационная	11
Глава 3. Канун	15
Глава 4. «Первый пресс»	19
Глава 5. «Задержание»	24
Глава 6. «Горькая нота»	28
Глава 7. «Вырезанная»	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мира Хартвелл

Последний бокал осени

Введение

Добро пожаловать в Золотую Бухту — маленький прибрежный городок в винном регионе Новой Зеландии, где пахнет солью, спелым виноградом и свежей выпечкой, а главная новость недели — чей пирог победил на ярмарке.

Здесь живут две лучшие подруги: Элеанор Хейс, бывшая библиотекарь, хозяйка книжного магазина «Вторая глава» и ведущая местечкового true-crime подкаста, и Маргот Эллингтон, винодел с лучшим нёбом в регионе и худшим характером. С ними — сердитый кот Барнаби, который спит на детективах и считает это работой.

Когда на церемонии первого пресса, прямо во время фестиваля урожая, погибает владельца соседнего винного погреба, подруги берутся за расследование: одна — с диктофоном, другая — с секатором. Им помогают весь городок, термос мичмана Билла и шесть осенних рецептов, которые вы найдёте в приложении.

Это честная головоломка в духе золотого века детektива: все улики показаны читателю, и убийцу можно угадать раньше героинь. Читайте не спеша, наливайте себе чаю — и добро пожаловать за общий стол.

Глава 1. «Вторая глава»

Утро в Золотой Бухте пахло солью, мокрой листвой и — совсем чуть-чуть — чужим счастьем. Элеанор Хейс стояла на пороге книжного «Вторая глава» с кружкой чая, успевшего остыть ровно настолько, чтобы стать идеальным, и смотрела, как просыпается гавань.

Порядок здесь не менялся: первыми подавали голос чайки, потом появлялся Билл Маккензи со своим термосом, а за ним уже подтягивались остальные. Билл поднял флаг — медленно и обстоятельно, как делал всё на свете, — и помахал Элеанор. Она отсалютовала ему кружкой. Без этого обмена приветствиями утро не считалось начавшимся.

«Вторая глава» занимала первый этаж старого дома с эркером. Именно здесь долгие годы назад Элеанор впервые поцеловалась с Томом: за стеллажом краеведения, между «Историей виноделия» и «Птицами побережья». Три года назад она выкупила дом у старого мистера Абернети вместе с полками, запахом и котом. Бесплатно прилагался только кот; всё остальное досталось в рассрочку, которую Элеанор выплатила прошлой весной и отметила бутылкой из погреба Маргот. Бутылка была превосходной, чего о рассрочке сказать не получалось. Зато теперь всё осталось позади, а магазин, его запах и кот принадлежали ей.

Внутри пахло так, как должны пахнуть все книжные мира: бумагой, пылью и чужими жизнями. Элеанор прошла между стеллажами, мысленно здороваясь с книгами, словно с постоянными читателями. Впрочем, книги и были её самыми постоянными посетителями. На полке местных авторов пылились три поэтических сборника и одна очень смелая кулинарная книга — та пылилась с вызовом. Самой потёртой и любимой оставалась полка детективов. Агата Кристи стояла здесь в трёх изданиях, в том числе в том самом, с пометками Тома на полях.

Её муж преподавал историю. Шесть лет назад у него остановилось сердце на их любимой прибрежной тропе. Элеанор достала «Восточный экспресс» и открыла на заложенной странице. На полях его почерком было выведено карандашом: «Эл, убийца врёт читателю! Это нечестно! Обсудим за ужином».

Она улыбнулась: они действительно обсудили. Многие годы за ужинами говорили о книгах, учениках, Бухте и вине Маргот, а потом совместные ужины кончились. Остались карандашные пометки и кружка с отбитой ручкой, из которой Том пил какао. Теперь Элеанор наливала в неё чай. Кружка не возражала — кружки вообще существа понимающие.

На кухне её уже ждали вчерашние булочки собственного изготовления — румяные, с трещинками на боках, внутри ещё хранившие тепло сливочного масла. Элеанор разломилась один пополам: корочка негромко хрустнула, мякиш пах ванилью и лимонной цедрой, а кусочек с клубничным джемом Джесс таял во рту так, что хотелось зажмуриться. Чай она заваривала не спеша, как учили в библиотеке тихих утр: сначала прогреть чайник, потом дать листу раскрыться, потом первый глоток — терпкий, с молоком и лёгкой сладостью. Это был её утренний ритуал, маленький договор с днём, что всё пойдёт по порядку.

Библиотекарь часто думала, что наша Бухта держится не на уставах и расписаниях, а на вот таких молчаливых привычках. Люди здесь знали, кто как пьёт чай и кто приносит кому хлеб, когда болеет. Соседство в Золотой Бухте было не громким словом из брошюры, а привычкой замечать: не горит ли окно дольше обычного, не стоит ли корзинка у двери слишком долго. Забота здесь не требовала повода, она просто жила между людьми, как соль в воздухе с гавани.

Телефон вполголоса тренькнул: общий чат проснулся раньше хозяев. Кто-то искал пропавшую перчатку, кто-то отдавал лишние лимоны, а Билл Маккензи прислал фотографию флага с подписью «поднят, стоит ровно». Элеанор улыбнулась и поставила чашке лайк-флажку,

хотя умная колонка на полке вновь приняла её «спасибо» за команду и бодро сообщила прогноз погоды. Пришлось поблагодарить и колонку, чтобы никому не было обидно.

— Барнаби, — сказала она в глубину магазина, возвращая томик на полку, — если ты опять спишь на детективах, я внесу тебя в каталог под рубрикой «стихийное бедствие».

Ответом было презрительное молчание, означавшее на кошачьем языке: «Слышу, не одобряю». Полосатый Барнаби, девяти лет от роду и весом в двенадцать фунтов чистого достоинства, возлежал на стопке Агаты Кристи, как монарх в изгнании на временно предоставленном троне. Он приоткрыл один глаз, оценил обстановку и ещё раз его закрыл. Династия продолжала отдых.

Девять лет назад его нашли во время шторма у дверей книжного, тогда ещё принадлежавшего Абернети: крошечный котёнок дрожал от холода. Купив магазин «с котом в придачу», Элеанор ни разу об этом не пожалела. Практически ни разу: когда Барнаби съел закладку из настоящего коллекционного первого издания, предназначенного для витрины, она жалела примерно час, а потом простила. Котам, как и читателям, прощают всё — без них слишком пусто.

В свои пятьдесят восемь Элеанор знала о людях две вещи. Во-первых, люди похожи на книги, но дело вовсе не в обложке. Смотреть надо на штамп возврата: куда книгу приносят снова и опять, там живёт её настоящий читатель. Во-вторых, за все эти годы библиотечной работы она узнала, что читает каждый, а значит, понимала, чем он живёт.

Миссис Пайк выбирала только романы, где героини старше пятидесяти «и не дуры». Старый Харди трижды перечитывал справочник по узлам. Джош Барретт в четырнадцать лет брал книги про моторы и возвращал их с масляными пятнами. А Дайана Флетчер, тихая партнёрша Виктории Эшфорд по поместью, читала о виноделии и всегда сдавала книги в срок, оставляя между страниц закладку-лепесток.

Люди возвращаются туда, где их ждут. Элеанор проверяла это каждый день и пока не нашла повода усомниться.

Утренние дела шли своим чередом. Она стёрла пыль с полок, разобрала часть почты: счета, издательский каталог, открытку от сына Питера из Веллингтона. «Мам, у нас дождь, скучаю, звони», — писал он. На фотографии внук стоял в луже, которая была больше него самого, а счастье на его лице — больше лужи. Затем пришла очередь герани на окне. Герань звали Гертрудой; она была старше Барнаби и обладала ещё более скверным характером.

Телефон зазвонил, когда Элеанор закончила полив. Это была Маргот — как всегда, без предупреждения, как и положено лучшим подругам.

— Эл! Ты видела программу? Фестиваль уже завтра, а я не готова. Вино готово, со мной сложнее. Приезжай после обеда пробовать... то есть дегустировать. Работать, в общем! И только без Барнаби. После того, что он устроил в прошлый раз, даже не думай его брать. Поняла?

— После обеда, без кота и с блокнотом, — ответила она, улыбаясь. — Всё поняла, включая то, чего ты не сказала. Особенно это.

— Вот и хорошо. Тогда отбой, всем работать. Народ пусть ждёт праздника, вино — выдерживается, а мы займёмся подготовкой. У нас тоже есть порядок и протокол, хоть и винодельческий.

Хозяйка книжного положила трубку, всё ещё улыбаясь. В шестьдесят три Маргот осталась настоящим ураганом — с вином, секатором и твёрдым убеждением, что всему на свете найдётся применение. С ней можно было спорить, на неё можно было сердиться, но представить без неё жизнь Элеанор уже не могла. Хотелось верить, что эта дружба навсегда. Пока утро было тёплым и всё шло хорошо, верить было легко.

Голос миссис Пайк, как обычно, опередил дверной колокольчик.

— Элеанор, дорогуша! — Она всплыла в магазин с авоськой и списком. — Мне нужен новый детектив. Чтобы героиня была за пятьдесят и не дура. А убийцу чтобы можно было угадать, не как в прошлый раз: им оказался садовник, которого вообще в книге не было!

— Садовник был на сорок второй странице, с лейкой, — мягко возразила Элеанор, доставая новинку. — Вы просто его не заметили. На то и расчёт, иначе было бы неинтересно.

— Лейка — не улика!

Тем не менее миссис Пайк взяла книгу и ещё две «за компанию». Ушла она довольная, пообещав к выходным «разобрать садовника».

Элеанор налила себе второй чай — уже не утренний, а рабочий, с молоком и ложечкой мёда с рынка. Мёд пах разнотравьем Золотой Бухты и таял в чашке золотистой спиралью, а тут же на блюде лежал вчерашний коржик, который она макнула в чай, чтобы он стал мягче и сговорчивее. Так учили её читательницы старшего возраста: всё твёрдое в жизни лучше размачивать теплом и терпением. Она подумала, что библиотека приучила её к главному: люди раскрываются медленно, как хорошая книга, и торопить их — значит пропустить самое важное. Спешка хороша для мессенджеров, где улица уже обсуждала, кто какие вымпелы повесил криво, а для людей нужно время и чай.

В тетради заказов появилась запись: «Пайк — новый детектив. Убийца должен быть честным». Привычка осталась библиотечная: долгие годы городок умещался для Элеанор в читательских формулярах, и она до сих пор невольно составляла их на каждого.

За окнами вовсю готовились к фестивалю. Джесс О'Коннор пронеслась мимо с подносом пирогов — первой, пробной партией для дегустационной комиссии. Запах яблок и корицы добрался даже в книжный, принесся с собой обещание простого домашнего счастья. Мальчишки Уилсон репетировали парад с новенькими яркими вымпелами и, размахивая от души, чуть не снесли вывеску булочной. Булочница их простила: перед праздником детям полагалась особая скидка на разрушения.

У гавани Шеймус О'Коннор настраивал гитару, устроившись на скамейке. Он старался играть едва слышно, чтобы никто не слышал репетиции. Слышали все и дружно делали вид, что не замечают: Шеймус стеснялся выступать уже сорок лет, и бухта берегла его застенчивость, как всё привычное и своё.

Колокольчик над дверью ещё раз подал голос, но сдался на полутоне: дверь снаружи удерживали локтем, коленом и стопкой глянцевых программ.

— Дайана! Давайте сюда, ради всего святого, — сказала подруга, поспешив на помощь.

Дайана Флетчер внесла с собой запах утреннего холода и типографской краски. Ей было пятьдесят девять, и сегодня, как часто бывало перед праздниками, усталость делала её чуть старше. Программы с золотой гроздью на обложке переключались на прилавок. Элеанор раскрыла одну: речи, хор, тост — всё ожидаемо. В разделе «Церемония первого прессы» значилось: «Кубок подаёт Д. Флетчер». За многие годы эта строчка чуть не не менялась.

— Мы с Викторией всё проверили, — сказала Дайана. На слове «мы» она слегка повысила голос, и Элеанор автоматически это отметила — библиотечная привычка замечать ударения. — Порядок церемонии, речи, отжима... Завтра открытие. Вы ведь придёте?

— Куда я денусь? Кто-то должен записать, как мэр произносит слово «дегустационная».

Дайана засмеялась — устало, но искренне. У неё всегда был вид человека, который спит на час меньше необходимого, а работает на два часа больше. Элеанор без спроса налила ей чаю: в Золотой Бухте это был местный язык заботы. Потом достала вчерашние пышки собственного изготовления, твёрдостью напоминавшие камни. Дайана взяла один и даже не поморщилась. На такое способен только терпеливый человек и настоящий друг.

— Как идёт подготовка? — спросила библиотекарь.

— Виктория хочет, чтобы всё было... — Дайана помедлила, подбирая слово. — Безупречно. Первый пресс, речь, тост. У нас лучший регион, и завтра все должны это запомнить.

Вчера репетировали, так она меня трижды поправила: где стоять, когда подавать кубок, как улыбаться.

— А вы что на это говорите?

Пауза затянулась еле заметно, но Элеанор успела её почувствовать.

— А я подаю кубки, — ответила Дайана с тёплой, усталой улыбкой. — Занимаюсь этим тридцать лет, так что получается у меня отлично.

— У вас много чего отлично получается. Ваши вина, между прочим, лучшие в регионе. Все знают, даже Виктория. Она-то особенно: иначе не держалась бы за вас столько лет.

Дайана долго и внимательно смотрела на неё. В её глазах что-то вспыхнуло и тут же погасло, как фонарик с садящейся батареей.

— Спасибо, что заметили, — тихо сказала она. — Меня обычно не замечают. Я ведь тень поместья, как шутит Виктория. Это она в шутку, конечно.

В глубине магазина чихнул Барнаби — то ли от типографской краски, то ли от пафоса, то ли от слова «тень». Коты умеют чувствовать такие вещи.

Проводив Дайану, Элеанор осталась у прилавка. «Тень поместья» — хороша шутка для женщины, чьи вина все пьют и хвалят. Долгие годы стоять рядом и подавать кубки, пока замечают другого человека... Элеанор налила вторую кружку чая — задумчивую. Неужели никто до неё не сказал Дайане вслух того, что она сейчас произнесла так легко?

В обычном рабочем блокноте появилась запись: «Д. Ф.: “тень поместья” — шутка В. Вина её. Не замечают». Блокнота для расследования у Элеанор ещё не было, как не было и самого расследования. Зато привычка собирать наблюдения давно существовала.

Она вернулась к незавершённым делам: дочитала почту, проверила землю у Гертруды — та недовольно шевельнула листьями — и ответила Питеру: «У нас солнце, скучаю, сама позвоню. Целуй лужу». Оставалось записать трёхминутный тизер подкаста.

«Одно маленькое убийство за раз» — название придумала Маргот, и Элеанор до сих пор не решила, гордиться им или краснеть. Подкаст слушали двести человек, считай всех. В прошлом выпуске она двадцать минут рассуждала о том, почему убийца в «Убийстве в Восточном экспрессе» нечестно обошёлся с читателем, вспомнила Тома, и голос её дрогнул. Никто потом не сказал ни слова, а Джесс прислала пирог. Таким был этот городок.

Слушатели требовали выпуск с Барнаби, сам Барнаби требовал тунца. Тунец ему доставался по пятницам: Билл приносил из гавани. Бухта кормила кота, а кот в благодарность позволял Бухте существовать.

— Сегодня мы говорим о фестивалях, — начала Элеанор, поглядывая на Барнаби. — Почему в детективах всё важное случается на праздниках? Потому что каждый собирается в одном месте. Все надевают маски, и у всех эти маски чуть-чуть сползают. Завтра открывается фестиваль урожая Золотой Бухты. Приходите, слушайте и наблюдайте. И помните: в хорошем детективе убийцей часто оказывается тот, кому вы успели посочувствовать. Это не цинизм, друзья мои, а предупреждение. Сочувствуйте, но наблюдайте; любите, но замечайте. Как библиотекари. Как мы с вами.

Барнаби открыл оба глаза и коротко прошипел прямо в микрофон.

— Это была общая мысль, не про кого-то конкретно, — строго сказала Элеанор, останавливая запись. — А шипение я вырежу. Хотя поклонники требуют... Ладно, оставляю. Но тунец всё равно только по пятницам, шантаж не пройдёт.

Кот медленно моргнул.

За окном Билл Маккензи проверял канаты у поднятого флага. Чайки кричали о своём, а над виноградниками висел особенный свет южной осени — низкий, медовый, прощальный. Шёл март, собирали виноград. Наступило время, когда год подводит итоги и разливает их по бочкам.

Библиотекарь допила остывший, теперь уже совершенно идеальный чай, закрыла тетрадь заказов и погладила Гертруду, которая сделала вид, что терпит эту вольность. Пора было окончательно переходить от утренних дел к торговле: первые посетительницы, как обычно, не стали дожидаться формального открытия.

Завтра начинался фестиваль, а сегодня было обыкновенное тёплое утро — из тех, что в детективах задним числом оказываются последними спокойными. Элеанор этого не знала. Она радовалась свету, чаю и бухте, вспоминала, как Дайана съела гранитный кекс, не поморщившись. Хороший, терпеливый человек. Сегодня хотя бы кто-то сказал ей вслух спасибо — за кекс, за программы, за то, что пришла.

Глава 2. Дегустационная

Винодел Эллингтон верила в три вещи: в хорошую бочку, в плохую погоду как оправдание хорошего вина и в то, что люди говорят правду лишь тогда, когда думают, как их никто не слушает.

Поэтому дегустационная «Погребка Эллингтон» была лучшим местом для подслушивания во всей Золотой Бухте. Посетители пили вино, расслаблялись и выбалтывали такое, о чём потом жалели до следующего урожая. Маргот стояла за стойкой, кивала, подливала и всё запоминала. В шестьдесят три её принимали за милую старушку с вином, а лучшего прикрытия нельзя было и желать. Элеанор называла это невидимостью. Маргот фыркала, хотя в глубине души соглашалась — как и со многим другим из того, что говорила подруга. Признаваться вслух она не собиралась: должны же у человека оставаться принципы.

Погреб просыпался раньше бухты. В семь Маргот уже спустилась к бочкам с фонариком, блокнотом и ноющим коленом, которое к фестивалю непременно начинало капризничать, как тоже готовилось. Три года назад она упала с лестницы во время сбора, и с тех пор колено предсказывало погоду лучше метеослужбы. Сегодня оно обещало перемену.

— Поняла тебя, — сказала она, постучав по нему пальцем. — Посмотрим, что ты угадало на этот раз.

Седьмая бочка, та самая, нервная, дышала ровно. Маргот приложила ухо к клёпке и послушала. Привычка сохранилась с молодости: смеяться над ней разрешалось, но способ работал. Она кивнула, сняла пробу фестивального вина, которое завтра должно было пойти на столы, покрутила бокал, понюхала и пригубила. Подержав вино во рту, профессионально и без сожаления выплюнула его в плевательницу. Оно было хорошим, честным и вполне готовым. В журнале появилась дважды подчёркнутая запись: «№ 7 — готова. Не трогать. Нервная».

Вино пахло поздним летом Золотой Бухты: спелым абрикосом, липовым мёдом и тёплой корочкой свежего хлеба из соседней пекарни. Первый глоток ложился на язык шелковисто, с мягкой сладостью, за которой тянулась долгая сухая нотка, как послевкусие хорошего разговора. Маргот подержала его подольше, чувствуя, как раскрываются оттенки айвы и лимонной цедры, и довольно хмыкнула. К такому вину просился кусочек выдержанного сыра и тонкий ломтик яблочного пирога, чтобы сладость встретилась со сладостью и обе стали ещё лучше.

Подруга давно поняла, что возраст — это как выдержка в хорошей бочке: резкие углы уходят, а характер остаётся. Молодые торопятся доказать, что они уже готовы, а зрелые знают, что готовность приходит вполголоса и её нельзя поторопить. Дружба, как и вино, тоже требует времени и терпения, Зато потом достаточно одного взгляда, чтобы понять друг друга без слов. Элеанор понимала её именно так, и за это Маргот прощала подруге даже цементные плюшки.

— Тётя Маргот, улыбнитесь для заставки! — Хлоя уже целилась камерой, а туристы из Окленда поблизости целились смартфонами во всё подряд. — Скажите «сыр»!

— Скажу «не трогай седьмую», — проворчала Маргот, но послушно повернулась правильной стороной. Туристы снимали даже кран бочки, точно он мог станцевать, а один попросил сфотографироваться «с настоящей винодельней». Маргот подумала, что в две тысячи двадцать шестом году люди сначала снимают вино, потом пьют, а потом спрашивают в комментариях, какое оно было на вкус.

Под дегустационными журналами в ящике стола лежали счета от врача. Маргот достала их, посмотрела и убрала обратно, а затем передумала и засунула глубже, под журнал за 2019 год. Там их никто не найдёт — включая её саму. Колено и счета не подлежали обсуждению, особенно с Элеанор: та немедленно организовала бы врачей, обследования и режим. Маргот же хотела не режима, а фестиваля. И ещё ей нужно было обрезать розы, которые ждать не собирались.

— Тётя Маргот! Свет у вас — отвал башки! — Хлоя Пак ввалилась в погреб с камерой, штативом и рюкзаком, в котором, судя по грохоту, перевозила остальное имущество. — Можно поснимать бочки для заставки? Всего тридцать секунд!

— Снимай, только седьмую не трогай. Она нервная.

Хлоя рассмеялась и полезла со штативом между рядами. Ей было двадцать девять; у её блога «Вкус Золотой Бухты» насчитывалось десять тысяч подписчиков, а страха перед техникой, людьми и сроками сдачи работы не имелось вовсе. Маргот примерно поровну завидовала ей и гордилась ею. Завидовала молодости, лёгкости, тому, как камера становилась продолжением руки. Гордилась тем, что всего три года назад эта девочка приехала в городок с одним рюкзаком и идеей, а теперь у неё были собственный блог, имя и характер. Последнее особенно важно: всё остальное приложится.

— А правда, что Виктория Эшфорд грозилась подать на вас в суд? — спросила Хлоя, выставляя кадр.

— На меня нет, а на тебя да, — ответила подруга, протирая бокал. Это занятие успокаивало и помогало думать, а заодно говорить. — Я слышала, как и каждый. Виктория не умеет угрожать едва слышно: ей нужно, чтобы боялись сразу все.

— Ещё не отозвала угрозу? Жаль, хотя обзор всё равно выйдет. Вино у неё хорошее, а обращение с людьми дрянь. Я ведь могу так сказать? Это моё мнение как блогера.

— Говори, но после фестиваля. Не порти людям праздник. Ему, как вину, надо выстояться, а праздник уже завтра. Терпение, девочка, полезно и в виноделии, и в обзорах.

Маргот достала из-под стойки тарелку с козым сыром и виноградом позднего сбора: ягоды лопались во рту сладким соком, сыр был нежным и сливочным, с лёгкой кислинкой, а корочка пахла погребом и орехами. Хлоя схватила виноградину и зажмурилась от удовольствия, а Маргот налила себе глоток воды, чтобы очистить нёбо, как учила молодых виноделов. Она часто думала, что соседство в Золотой Бухте похоже на дегустацию: каждый приносит свой вкус, и только вместе получается букет. Один человек — как отдельный глоток, а городок — как полное послевкусие, долгое и тёплое.

— Я терплю, — заверила Хлоя, наводя камеру на кран бочки. — Тётя Маргот, а вы её боитесь? Викторию?

Винодел помолчала, взялась за следующий бокал и только потом ответила с обычной своей прямой:

— Нет, иногда мне её жалко. Построила империю, а живёт в ней одна. Муж умер, вместо подруг остались подчинённые. Вина отличные, только пить их не с кем. Власть как пробка: снаружи всё цело, зато внутри ничто не дышит. Но жалеть её не значит позволять ей давить всех. Можно человеку сочувствовать и всё равно не отступать. Учись совмещать, пригодится.

Хлоя посмотрела на неё внимательно и серьёзно, а затем кивнула, забыв о камере. Такие минуты Маргот ценила выше дегустационных медалей: молодые слушали её, а не снимали.

В дверях появился Дэниел Рейес с охапкой поздних роз и хризантем для праздничного украшения дегустационной. Тихий и неизменно вежливый, он вызывал желание обнять его — осторожно, чтобы не спугнуть. Цветы держал так, как другие держат детей: бережно, с нежностью и гордостью.

— Поставьте у входа, в высокие вазы, — распорядилась Маргот. — И вот что, Дэниел: ваши туту ещё на месте?

— Вчера пересчитал, все на месте. После той кражи каждый вечер считаю, совет требует отчёт.

Расставляя цветы, Дэниел преображался. Движения становились уверенными, руки работали как. Робкий с людьми, с растениями он был настоящим мастером.

— Отчитываюсь каждый вечер, — добавил он. — Пересчитываю, как молитву читаю.

— И правильно требуют. Яд и в питомнике остаётся ядом, а молитва в теплице ничуть не хуже любой другой. Считайте дальше: бумага помнит, что люди забывают. Заявление подано, пересчёты ведутся, с вашей стороны всё чисто. Пусть это знают.

Дэниел улыбнулся — редкой, сдержанной улыбкой.

— Спасибо, миссис Эллингтон. Мне сейчас важно, что вы верите. Все шепчутся про отраву, про меня, а я ведь выращиваю для совета, для восстановления зарослей. Документы есть, всё есть, но всё равно шепчутся.

— Пусть, значит, пока дышат. Ваши документы громче любого шёпота. Держитесь, Дэниел. А цветы, как всегда, прекрасные.

Неделю назад кто-то ночью срезал черенки туту в его питомнике «Папоротник и лепесток». Ядовитое растение Дэниел выращивал по договору с советом для восстановления местных природных зарослей. Срезы были аккуратными, профессиональными — это потом отметил Хеми. Заявление о краже лежало в полиции, с датой и номером, как положено. Бухта успела пошептаться и слегка не забыл об этом, но Маргот помнила.

Она вообще мало что забывала. Это было и благословением, и проклятием, и причиной, по которой её до сих пор приглашали во все дегустационные комиссии региона. В памяти винодела хранились урожаи, дожди, вкусы и лица, точно каждое воспоминание выдерживалось в отдельной бочке.

Туту — Coriaria — она знала с девяти лет. Отец показал ей на ферме в Отаго красивый куст с тёмными ягодами и предупредил: «Красивый, а убьёт. Не трогай». С тех пор прошло много десятилетий, но это детское знание вдруг стало тревожно важным. Маргот отогнала мысль: пока ничего не случилось. Знание могло лежать в памяти, как секатор в ящике, до той поры, когда понадобится.

За дальним столиком туристы из Окленда обсуждали, «какая милая старушка держит этот погребок». Говорили громко, без смущения, словно о предмете мебели. Маргот с радушной улыбкой подлила им ещё по полбокала, изображая полную глухоту, и услышала продолжение: они подумывали купить землю у гавани под некий «проект». Какой именно, не выяснилось — на подробностях пара перешла на шёпот. Однако землю у гавани успели упомянуть достаточно отчётливо.

Об этом следовало рассказать Линде: мэр должна знать, кто собирается скупать берег, с какой целью и за какую цену. Между дегустационными заметками Маргот мелко записала: «Окленд, пара, земля у гавани, “проект” — Линде». Блокнот завёлся у неё недавно, под влиянием Элеанор. Раньше она всё держала в голове, но память, как вино, с возрастом требовала ухода и уважительного обращения.

После обеда заглянула Дайана Флетчер — согласовать порядок церемонии первого прессы: кто где стоит, кто подаёт кубок и когда произносят тост. Под мышкой она держала программы, в руках список, за ухом карандаш. Собранная, усталая и напряжённая, она выглядела привычно для кануна фестиваля.

Подруга вдруг попыталась вспомнить, когда в последний раз видела Дайану без дела и без списка, пришедшую просто так. Не вспомнила. Возможно, такого вообще не бывало. Многие годы сплошных обязанностей; жить без поручения она не умела.

— Виктория хочет сама поднять первый кубок, — сказала Дайана, сверяясь с бумагами. — Речь будет перед прессом, тост после. Я, как всегда, подам церемониальный серебряный кубок. Вино позднего сбора, из резервной бочки. Всё проверили дважды.

— Как всегда, — отозвалась Маргот и неожиданно для самой себя спросила: — Дайана, ты в порядке?

Та замерла на секунду; карандаш за ухом чуть дрогнул. Потом появилась знакомая усталая улыбка.

— Перед фестивалем всегда суета. Я пойду, мне ещё речи печатать: Виктория трижды правила. Где стоять, когда подавать, как улыбаться... Представляешь, Маргот? Мне пятьдесят девять, а я должна улыбаться по инструкции.

— Послушай, Дайана...

— Всё нормально.

Она уже направилась к двери, но на пороге остановилась и обернулась.

— Маргот, а твоё вино действительно хорошее. Лучшее в регионе. Я всегда так думала, только вслух не говорила. Надо было говорить. Прости меня.

Дайана ушла быстро, не оглядываясь. Маргот осталась за стойкой с бокалом, который так и не протёрла. Что это было — извинение, прощание или просто усталость? Она не знала, и это тревожило сильнее, чем хотелось признать. Так тревожат старые счета, неотвеченные письма и всё, что откладываешь на потом, пока оно вдруг не становится главным.

Она долго смотрела в окно на виноградники. Все эти годы Дайана подаёт кубки и стоит тут же, пока награждают Викторию. Маргот знала цену такой жизни: однажды сама едва её не заплатила, когда Фрэнк решил продать землю застройщикам под коттеджи. «Прогресс», — говорил он. «Предательство», — отвечала она.

Пятнадцать лет назад они развелись. Фрэнку достались земля и новая жена, Маргот — погреб и секатор. Разница между ней и Дайаной заключалась в том, что Маргот вовремя сказала «нет». Дайана, похоже, за долгие годы не произнесла этого слова ни разу. А теперь по Бухте ползли слухи о продаже, о конгломерате «Southern Vines». Маргот старалась их отгонять, но слухи похожи на дрожжи: бродят сами по себе, не остановишь.

Колено ныло, обещая то ли перемену погоды, то ли беду, но уточнять не желало.

— Молчи, — сказала винодел, постучав по нему. — Без тебя тошно.

Она вновь открыла ящик и заглянула под журнал за 2019 год, хотя прекрасно знала, что счета никуда не делись. От этого взгляда они меньше не стали. Маргот прикрыла их журналом и задвинула ящик: отложенные заботы хотя бы оставались вне поля зрения. Элеанор всё равно ничего не узнает, иначе вместо фестиваля придётся заниматься обследованиями. Счета пока потерпят, а розы — нет.

Она достала отцовский секатор с потёртой ручкой и инициалами на лезвии и вышла в сад. Лезвия щёлкали ровно и уверенно: руки помнили то, чему их научили много лет назад.

«Режь смело, девочка, — говорил отец. — Роза прощает смелость, но не прощает жалости».

Маргот резала смело, как привыкла жить, и не собиралась осторожничать — ни из-за счетов, ни из-за слухов.

До фестиваля оставался один день — до пресса, до тоста и до кубка, который подаст Дайана. Маргот обрезала последнюю розу и выпрямилась. Колено прострелило болью, она поморщилась и взглянула на городок: гавань, рынок, книжный за углом. Там Элеанор, наверное, записывает свой подкаст. Всё это было её домом, её семьёй, всей её жизнью.

— Держитесь, — сказала она то ли розам, то ли бухте, то ли себе. — Завтра фестиваль, а сегодня мы занимаемся розами. Сначала одно, потом другое. Понятен порядок?

Розы молчали — в этом заключалась немалая часть их прелести и мудрости. Маргот кивнула им, как равным, и отправилась домой ужинать и спать. К завтрашнему дню следовало подготовиться: фестиваль был святым делом, особенно когда предчувствия не оставляли в покое.

Глава 3. Канун

Рынок накануне фестиваля гудел так, что Элеанор слышала его от дверей книжного. Она отправилась за яблоками с корзинкой на руке: собиралась печь изделия, которые упрямо называла булочками. Маргот именovala их «каменными уликами» и отказывалась есть без чая, в котором можно было размочить выпечку.

Барнаби проводил хозяйку до порога. Дальше начиналась территория собак, чаек и прочих непредсказуемых существ, так что кот с достоинством вернулся на детективы. У каждого был свой пост: Элеанор предстоял рынок, ему — Агата Кристи.

Субботний рынок Золотой Бухты был явлением природы, таким же неизбежным, как прилив. Фермеры привозили ящики овощей, рыбаки — утренний улов. Билл, впрочем, не торговал, а «следил за порядком»: пил чай и отпускал замечания. Возле рядов с цветочными рядами Дэниела продавали сыры и мёд, повсюду лежали тыквы. Здесь, на юге, они скорее служили украшением, но традиция есть традиция: какой фестиваль без тыкв? Хотя Джесс и суп из них варила превосходный. Она вообще прекрасно готовила из чего угодно, в чём состояли и её дар, и её проклятие: кто хорошо готовит, тот кормит весь городок, бесплатно или почти.

— Элеанор! Попробуй, только честно! — Джесс О'Коннор махала от своего лотка так, точно они не виделись год, а не накануне. — Новый рецепт, с секретом!

Лоток ломился от содового хлеба, пирогов, джемов и настоящих булочек — не в пример некоторым. Запах сам сворачивал к нему прохожих, приглашать никого не требовалось.

— Секреты в выпечке — единственные, которые я одобряю, — сказала подруга, попробовав угощение. — Превосходно, Джесс, совершенно честно.

Пирожок был ещё тёплый: тонкое слоёное тесто хрустело и осыпалось золотистыми крошками, а внутри пряталась яблочная начинка с корицей и каплей карамели, тягучая и ароматная. Следом Джесс сунула ей ломтик содового хлеба — с плотным душистым мякишем, с хрустящей корочкой, которую хотелось отламывать и есть просто так, без масла. А поблизости в маленьких баночках светилось варенье, густое и рубиновое, и к каждой была аккуратно прикреплена этикетка с QR-кодом. Элеанор попробовала ложечку прямо с крышки и почувствовала лето: малину, солнце и тот особый вкус, ради которого зимой открываешь погребок.

Джесс кормила всех так, как другие люди разговаривают: щедро, горячо и от всего сердца. Элеанор давно заметила, что забота в Золотой Бухте чаще всего пахнет свежим хлебом, а не произносится вслух. Человек может промолчать, отвести глаза, сделать вид, что всё в порядке, но руки всё равно завернут лишний пирожок «для дома». Маленький народ умел лечить простыми вещами: тёплой едой, вовремя налитым чаем и тем, что тебя помнят по имени.

— А QR-код куда ведёт? — спросила библиотекарь, разглядывая баночку.

— На страничку с онлайн-заказами, — гордо ответила Джесс. — Хлоя научила. Теперь мои джемы можно заказать, не вставая с дивана, представляешь? Правда, половина улицы всё равно приходит просто поболтать, заказывают глазами через прилавок. Говорят, через экран не пахнет.

Она взяла два хлеба: один можно было начать по дороге, второй предназначался для домашнего чая в обществе Барнаби. Хлеб кот не ел, питался тунцом и собственным достоинством, но это не повод нарушать традицию.

Пока Джесс заворачивала покупки, Элеанор понизила голос. У рынка было сто ушей, а у маленькой Бухты — тысяча.

— Виктория опять не заплатила?

Улыбка Джесс дрогнула, как пламя на сквозняке.

— Полгода, — ответила она, не отрывая взгляда от бумаги. — Полгода кейтеринга за мой счёт. Свадьбы, дни рождения, в прошлом месяце приём для виновных критиков... А я молчу.

Это ведь Виктория Эшфорд: скажешь слово, и ты уже не поставщик поместья, а никто. Мне ещё кредит выплачивать, тот самый, ковидный. Помнишь, брали, чтобы не закрыться? Тогда не закрылись, а теперь...

Она оборвала себя и улыбнулась широко, по-ирландски, на все тридцать два зуба.

— Ничего, переживём! Надо улыбаться. Хочешь свежего козьего сыра? Мармот... то есть Маргот вчера брала, хвалила. Сказала «съедобно», а это у неё высшая похвала, ты же знаешь.

— Знаю, — ответила она и купила сыр.

Дома его было достаточно, но здесь помогали именно так: покупали ненужный сыр. Это был второй местный язык заботы после чая, налитого без спроса.

Отойдя от лотка, Элеанор оглянулась. Джесс уже широко улыбалась следующему покупателю, только руки комкали край передника. Привычный библиотечный взгляд заметил это, и сердце сжалось. Полгода бесплатной работы из страха потерять заказчика. Виктория держала всех не одним вином: её неплатежи становились чужими долгами, а долги — чужой зависимостью.

Хозяйка книжного мысленно сделала запись: «Джесс: шесть месяцев без оплаты. Молчит, боится потерять поместье». Расследования ещё не было, но привычка складывать сведения в систему уже работала.

Хлоя носилась по рынку с камерой, снимая «атмосферу кануна»: тыквы, виноградные гирлянды, Билла с термосом, детей, которые таскали виноград с украшений. Гирлянды редели, зато дети процветали. Отдельного внимания заслуживала Линда Кроуфорд, проверявшая сцену с видом генерала перед высадкой. Рядом лежали счета фестиваля, и она то и дело косилась на них так, словно цифры кусались.

— Итак, сцена, пресса, хор! Хор налево! Нет, это направо, причём моё направо! Сцену выровняйте, гирлянды выше... Кто их повесил так криво?

Поверх куртки у Линды лежала праздничная мэрская цепь, придававшая ей одновременно торжественный и трогательный вид.

— Я! — отозвался кто-то из хора.

Все засмеялись, включая Линду, но она тут же снова нахмурилась. Мэр оставалась мэром даже на празднике, а скорее именно на празднике, когда порядок особенно нужен.

По рынку прошла Виктория Эшфорд. Она, как всегда, была в перчатках, которых не снимала даже в погребке, держалась с королевской осанкой и смотрела вокруг так, будто городок принадлежал ей по праву рождения. Тишина расходилась от лотка к лотку, как бывает при появлении школьной директрисы или налогового инспектора. Виктория успешно совмещала оба впечатления.

Следом шла Дайана с тремя папками — человек, несущий на себе весь фестиваль и старательно изображающий, что ноша лёгкая.

— ...и речь я проверю лично, — говорила Виктория достаточно громко, чтобы все слышали, кто здесь принимает решения. — Дайана, ещё раз напоминаю: тост объявляю я, а ты подаёшь. Как всегда.

— Как всегда, — ровно ответила Дайана, как произносила выученную за многие годы реплику.

— И ради бога, проверь цифры в приложении. — Виктория остановилась, взглянув на папку у неё в руках. — Я решила не включать пункт про бассейн. Мы не благотворительная организация.

У ближайших лотков замерли. Бассейн, в котором учились плавать целые поколения, совет собирался закрыть; для Бухты это было больное место. Теперь из какого-то приложения исключили пункт о нём — с такой лёгкостью, как речь шла о лишней запятой.

— «Я решила»? — очень негромко переспросила Дайана.

Её слышали только те, кто стоял ближе всего, в том числе Элеанор, раскладывавшая яблоки в двух шагах.

— Что? — бросила Виктория, уже двигаясь дальше и не оборачиваясь.

— Ничего. Я поняла, ты решила.

Элеанор замерла с яблоком в руке. «Я» вместо «мы» — маленькая словесная правка, похожая на первую трещину в дамбе. Дайана стояла с папками и смотрела вслед Виктории. На её лице не отражалось ничего. То ли чувства иссякли за этот день, то ли она просто устала.

Виктория отправилась проверять и распоряжаться дальше. Дайана немного постояла, затем тоже пошла по своим делам, ещё раз обычная и незаметная. Только шла чуть медленнее обычного, словно папки весили больше, чем бумага. Элеанор заметила и это, хотя предпочла бы не замечать.

Яблоки были красные, местные, пахли садом. Продавец, старый Джо — не Джош Барретт, а пенсионер, выращивавший яблоки для удовольствия, — добавил в корзину ещё два.

— На сконы, миссис Хейс. Хотя ваши пышки... ну, вы поняли. Яблоки хорошие, так что им всё простят.

Про выпечку Элеанор знал каждый и по мере сил деликатно молчал. Маргот молчать не умела, за что её, среди прочего, и любили.

— А вот и наша звезда подкаста! — Хлоя возникла с камерой внезапно, как это умеют журналисты. — Скажите что-нибудь умное про канун фестиваля. Желательно зловещее, подписчики такое обожают!

Библиотекарь посмотрела в объектив и выдержала паузу для убедительности.

— В детективах канун праздника — самое честное время. Все уже устали притворяться, но ещё не начали праздновать. Присматривайтесь, потому что завтра всё будет иначе. Запомните лица, а ещё лучше руки: они часто честнее лиц и помнят, что лицо научилось скрывать.

— Зловеще! Подписчики съедят! Миссис Хейс, вы гений. Можно я завтра буду снимать всё: церемонию, тост, первый отжим? Для истории и для выпуска?

— Снимай каждую секунду. История любит, когда её сохраняют, а правда — когда её фиксируют. Кто знает, что потом пригодится.

Ни одна из них не догадывалась, насколько важным окажется этот совет.

К вечеру бухта гудела, как улей. Над площадью висели флажки и ленточки, воздух пах жареным и сладким. Хор репетировал песню про лозу и солнце — мимо нот, зато от души.

Из «Медного чайника» тянуло свежей выпечкой Джесс: ванилью, корицей и тёплым хлебом, а на прилавке остывали пирожки с яблоком, от которых шёл такой дух, что прохожие останавливались сами собой. Элеанор купила один про запас и съела половину по дороге: начинка была горячей и душистой, а корочка крошилась именно так, как должна крошиться в канун праздника. Она решила, что маленькие бухты держатся на людях, которые кормят друг друга без счёта и напоминаний. Джесс была из таких, и потому городок уже шептался в общем чате, кто завтра поможет ей с лотком. Умная колонка дома, конечно, промолчала бы, а живые соседи — никогда. У гавани Билл тщательно проверял канаты, словно от них зависела судьба Бухты. Возможно, что-то важное и впрямь зависело от того, насколько исправно каждый делал своё небольшое дело.

В «Медном чайнике» не осталось свободных мест. Джесс металась между столиками, кормила гостей и улыбалась; руки по-прежнему время от времени комкали передник. Элеанор это видела. От профессиональной привычки замечать людей избавиться не получалось.

У штатива Хлои на рыночной площади тем временем случилась маленькая катастрофа. Ножка соскользнула на булыжнике, камера опасно накренилась, и оказавшийся тут же Дэниел Рейес поймал её одной рукой. В другой он держал хризантемы для завтрашнего украшения и не помял ни одного лепестка. Точность была чуть не ювелирной — руки садовода знали своё дело.

— Ой, — только и сказала Хлоя, замерев.

Камера была её работой, её жизнью, самой дорогой вещью, которую она имела. Только что она чуть не разбилась, а теперь лежала в чужой осторожной руке.

— Держите, — сказал Дэниел, бережно устанавливая её на место. — С ней надо осторожно, она хрупкая.

— Это самая дорогая вещь в моей жизни, — призналась Хлоя.

Голос чуть дрогнул, и Дэниел заметил это: садоводы внимательны ко всему живому.

— Тогда тем более. Хотите, покажу, как ставить, чтобы не падала? У меня в теплице вечный ветер, пришлось научиться всё надёжно крепить.

— Хочу, — слишком быстро ответила Хлоя и покраснела.

Потом рассердилась на себя за румянец и покраснела ещё сильнее. Выбраться из этого розового замкнутого круга было непросто. Она посмотрела на Дэниела, затем на камеру, потом вновь на него.

Хозяйка книжного наблюдала с корзинкой яблок на руке. В детективе такая сцена, скорее всего, ничего бы не значила — просто фон, немного жизни между уликами. В самой жизни с пойманной камерой, осторожных рук и редкой улыбки иногда начинается всё. Она видела подобное и раньше: у неё самой с Томом всё зарождалось больше тридцати лет назад, возле стеллажа краеведения. У Маргот история с Фрэнком сложилась иначе и закончилась разводом, но не следует мерить новое начало чужим концом. Может быть, этим двоим повезёт. В Бухте обычно не мешали любви, особенно тихой, особенно накануне праздника.

На Золотую Бухту опустилась тёплая ночь, пахнувшая виноградом и дымом. Где-то допевал хор, где-то гремел последний ящик, Билл завершал дела в гавани. Народ засыпал счастливым, ожидая праздника. Завтра Виктория Эшфорд поднимет первый кубок, который ей подаст Дайана Флетчер, как подавала долгие годы. Завтра прозвучит тост за «прогресс», но об этом Элеанор пока не знала.

Она шла домой мимо тёмных витрин, под фонарями, слушая последние голоса хора. В корзинке лежали яблоки, ненужный сыр и совершенно необходимый хлеб. Барнаби ждал у двери с видом существа, милостиво разрешающего хозяйке жить в его доме. Около Рядом стояла пустая миска, и намёк был весьма весомым — все двенадцать фунтов.

— Завтра фестиваль, будет шумно и весело, — сообщила Элеанор, насыпая корм. — Ты остаёшься дома, это не обсуждается.

Барнаби медленно моргнул. Возможно, это означало: «Посмотрим». Возможно: «Давно я не был на фестивале». А может быть: «Корм насыпан, теперь можешь идти». С кошками никогда не знаешь наверняка.

Глава 4. «Первый пресс»

День открытия фестиваля выдался таким, какие в Золотой Бухте называли витринными. Небо синело, как на рекламном проспекте, воздух был прозрачным, а на лозах за бухтой тяжело висели тёмные гроздья.

Винодел Эллингтон проснулась в шесть, за час до будильника. Это было дурным знаком: раньше времени она просыпалась только перед сбором урожая или перед бедой. Сбор уже начался, но делать поспешные выводы насчёт оставшегося варианта она отказалась. Что-то ныло внутри — то ли к шторму, то ли к беде. Маргот села на кровати и прислушалась: сначала к себе, потом к тишине спальни.

— Ладно, я поняла. Будем наблюдать.

В ответ внутри довольно щёлкнуло. Впрочем, ни в чём нельзя быть уверенной — чуть не как с кошками.

Утренние дела шли по праздничному расписанию. Душ пришлось принять быстро: стоять подолгу она не любила. На завтрак были тост и вчерашний козий сыр от Элеанор, которая покупала ненужные продукты, чтобы раздать нужным людям. В погребе седьмая бочка дышала, нервничала и была готова к своему часу. Оставалось позвонить подруге.

— Ты встала?

— Уже давно. Как колено?

— Лучше молчи.

— Поняла, молчу. Тогда удачи.

— И тебе тоже.

Необычный день начинался обыновенно. Видимо, перед важными событиями тоже нужна разминка — вроде глотка воды перед тостом.

Площадь готовили с шести, и Маргот пришла рано, чтобы помочь, посмотреть и просто быть поблизости. Лотки вырастали как грибы: сыры, мёд, яркие хризантемы Дэниела, пироги Джесс, чей запах разносился над всей площадью. Джош Барретт молча таскал ящики для поместья Эшфорд. Вид у него был злой, словно утро уже успело чем-то обидеть. Поговаривали, Виктория при всех распекала его за опоздание, — впрочем, Виктория многих распекала при всех, и это ещё ничего не значило. Маргот отметила, что парень на взводе. Виноделы замечают напряжение в людях так же быстро, как посторонний тон в бокале.

К десяти всё было готово: сцена, гирлянды, длинный дегустационный стол. В центре стоял старый дубовый пресс, украшенный виноградной лозой, а тут же — большой серебряный церемониальный кубок для первого вина нового урожая. Традиция была простой и красивой: хозяйка поместья произносила тост, отпивала первой, и фестиваль считался открытым.

У своего лотка Маргот расставляла бокалы и наблюдала за Дайаной Флетчер, которая уже в четвёртый раз переставляла кубки на столе, а затем возвращала на прежние места. Церемониальный — в центр, запасные рядом, программки веером. Руки двигались спокойно и точно, зато лицо не выражало ничего.

Подруга знала цену таким лицам. В годы развода у неё самой бывало такое: внутри всё горит, а снаружи необходимо держать форму. Хотелось подойти к Дайане, сказать что-нибудь простое и человеческое, однако Линда Кроуфорд уже поднялась на сцену с микрофоном, и удобная минута прошла. Тогда ещё никто не знал, как скоро Маргот пожалеет об упущенной возможности.

— Так, все по местам: сцена, давяльня, хор! — Голос Линды заставил притихнуть даже чаек над гаванью. — Хор налево! Открываем восемнадцатый фестиваль урожая Золотой Бухты!

Мэрская цепь лежала поверх куртки, распоряжения звучали уверенно, и праздник начался по расписанию. Хор запел про лозу и солнце, привычно промахиваясь мимо нот и столь же привычно беря искренностью. Дети размахивали гирляндами. Хлоя Пак с камерой сновала между сценой, толпой и прессом, успевая снимать даже небо.

Джесс раздавала мини-пирожки «сначала на пробу, потом за деньги». Пробовали охотно все, платили кто как. Билл Маккензи стоял возле каната с термосом, словно почётный караул, и наливал чай замёрзшим. Желаящие выстроились в очередь: утро было прохладным. Южная осень днём ещё обещала лето, зато по утрам честно напоминала, что тепло не навсегда.

Фестивальные столы ломились так, что глаза разбегались: круги сыра с медовой корочкой, тёплый хлеб с хрустом, плитки с айвовым джемом, мёд в сотах, от которого пахло цветами и солнцем. Из бумажных кулчков шёл пар от жареных орехов в сахаре, поблизости стояли бутылки с прошлогодним резервным — тёмным, густым, пахнущим сливой и корицей. Хлоя сновала с камерой и заодно успевала откусывать от пирожка так, чтобы не попасть в кадр, а туристы со смартфонами снимали всё подряд и спрашивали, где здесь ставится геолокация, чтобы «пахло вкуснее». Билл наливал свой крепкий чай с чабрецом, от которого теплели ладони и разговор шёл сам собой.

Маргот смотрела на это изобилие и думала, что праздник в маленькой Бухте — это способ сказать друг другу спасибо без торжественных речей. Люди приносят лучшее, что у них есть, и ставят на общий стол, и в этом нет хвастовства, только радость делиться. Золотая Бухта умела праздновать так, как весь год работала именно ради этого утра, и, пожалуй, так оно и было. Общий стол делал соседей родней вернее любых слов, и даже споры откладывались до понедельника.

Затем на сцену поднялась Виктория Эшфорд. Перчатки, осанка и отработанная, практически мэрская улыбка были на месте. Речь тоже сначала не отличалась от прежних: лучший регион, славные традиции, урожай, который «превзошёл ожидания». Толпа слушала вежливо и привычно. За восемнадцать лет все выучили, когда ждать тоста и когда аплодировать.

Но в этот раз Виктория сказала то, чего не было ни в одной из предыдущих речей.

— ...и поэтому я с радостью объявляю: поместье Эшфорд вступает в новую эру. Мы договорились о партнёрстве с «Southern Vines Group». Это прогресс, друзья мои. Выпьем за прогресс!

Она сделала приветственный жест кубком. Наступила такая тишина, что стало слышно, как где-то упал флажок. Смысл дошёл до всех сразу: конгломерат, скупка, унификация, конец независимым погребам и привычной жизни. Всё это называлось красивым словом «прогресс», из того же ряда, что «оптимизация» и «реорганизация», — слова, за которыми скрываются чужие решения о твоей судьбе.

Через секунду кто-то вежливо захлопал. Подхватили остальные: не хлопать было неловко, тем более Виктория смотрела. Маргот ладоней не подняла. Она следила за Дайаной, потому что сейчас та говорила ей больше, чем речь со сцены и шум площади.

На дегустационном столе около прессом стояли открытые бутылки: в бокалах играло молодое вино, пахнущее вишней и свежим хлебом, а тут же лежали ломти пирога Джесс с румяной корочкой, от которых шёл тёплый дух корицы и масла. Кто-то из гостей уже успел сделать глоток и зажмуриться, кто-то снимал стол на смартфон, чтобы «запомнить вкус». Маргот подумала, что вкус запоминается не камерой, а тем, с кем ты стоишь рядом в эту минуту. Праздник в Золотой Бухте всегда был общим делом: радость делилась на всех, как хлеб, и от этого только прибывала.

Дайана стояла возле Викторией и улыбалась привычной тёплой, усталой, правильной улыбкой. Только поднос с церемониальным кубком сжимала так крепко, что побелели костяшки пальцев. Белые пальцы на серебре бросались в глаза. Хлоя сделала три кадра подряд. Позже Элеанор будет очень внимательно рассматривать на них руки, поднос и улыбку, но пока

всё это заметила лишь Маргот. Виноделы привыкли смотреть на руки: они сохраняют следы того, что лицо уже научилось прятать.

— А теперь по традиции, — объявила Виктория. — Первый пресс!

Дайана шагнула вперёд с кубком. Шаг был ровным, руки твёрдыми, лицо спокойным. В серебре темнело почти чёрное вино позднего сбора — густое и сладкое, такое, в котором не ждёшь горечи. Дайана подала его обеими руками, низко и едва нетельно, как делала многие годы.

— В знак примирения, Виктория, — еле слышно сказала она.

Микрофон поймал слова, и их услышала вся площадь. Примирения с кем и с чем? Тогда никто не спросил. Вопросы возникнут потом; сейчас все смотрели, как одна женщина протягивает кубок, а другая принимает.

Виктория улыбнулась впервые за день по-настоящему — тепло, практически нежно. Сделала один глоток, затем второй и поставила кубок на стол.

Дальше всё случилось быстро и так негромко, что не сразу стало понятно, что происходит. Виктория покосилась на вино с удивлением и чуть не обидой, словно её подвёл вкус, которому она доверяла.

— Горчит...

Это было её последнее слово. Она осела боком у дубового пресса, среди лозы и вымпелов, неловко и медленно, как кукла с оборванными нитями.

Высоко вскрикнула женщина из хора, и песня оборвалась на полуслове. Джесс выронила поднос. Пирожки покатались по брусчатке, дети бросились их собирать, ещё не успев понять происходящее. Дайана стояла над своей партнёршей тридцати лет и держалась за стол так, как без опоры упала бы сама. Лицо её побелело, взгляд застыл — то ли в пустоте, то ли на кубке, где ещё оставалось тёмное сладкое вино.

Винодел оказалась поблизости первой. Колено прострелило так, что она едва удержалась на ногах, но всё же дошла: кто-то должен был подойти. Одного взгляда на Викторию хватило, чтобы ей стало страшно. Это не походило на обморок. В неподвижности тела было что-то окончательное, и Маргот, немало повидавшая за жизнь, не могла отогнать эту мысль.

— Все назад! — сказала она голосом, какого сама от себя не ожидала: громким, командирским, каким не разговаривала даже с работниками на сборе. — Не трогайте кубок. Ничего здесь не трогайте! Назад, я сказала!

Толпа отступила, подчинившись человеку, который хотя бы знал, что делать. Маргот встала между людьми и столом, с пустыми руками и больным коленом, и держала оборону так, как защищала бы погреб или собственный дом.

В кубке оставалось вино. Маргот готова была поклясться чем угодно, включая свой погреб: под сладостью позднего сбора скрывалась чуждая горькая нота. Пробовать было нельзя, она это понимала и к кубку не прикасалась. Но запах доходил даже отсюда, и опыт подсказывал то, чему пока не находилось объяснения. Горечь под сладостью — точно ложь под улыбкой, как страшная правда под праздничной мишурой.

— Мармот... Маргот! — К ней пробилась Джесс, бледная, с дрожащими руками. — Что с ней? Она дышит?

Подруга посмотрела на подругу и медленно покачала головой. Джесс закрыла лицо ладонями. Кто-то обнял её, кажется Линда, но Маргот уже не могла разобрать: флажки, хор, лица смешались. После крика наступила тяжёлая тишина. В ней отчётливо слышалось, как из опрокинутого кем-то бокала капает вино, отмеряя время.

Полиция приехала через двадцать минут, долгих, как целая жизнь. Детектив-сержант Хеми Ропата вышел из машины и оглядел площадь: вымпелы, хор, давяльня, тело под простынёй. Её принёс из своей будки Билл, первым сообразивший, что человеку и после смерти полагается достоинство.

Хеми вполголоса произнёс слово, которое не включают в отчёты. Маргот расслышала, оценила и промолчала. В такой день даже детектив-сержант имел право побыть просто человеком.

— Сержант, кубок не трогали, я удерживала толпу, — сказала она, подходя. — В вине что-то есть. Под сладостью позднего сбора чувствуется горькая нота. Запишите, пожалуйста: это профессиональное наблюдение. Оно может всё изменить.

Хеми внимательно посмотрел на неё и кивнул.

— Спасибо, миссис Эллингтон, вы поступили толково. Продолжайте... то есть нет, теперь расходитесь по домам. Здесь место происшествия. Вас я вызову официально, как эксперта, поговорить об этом привкусе. Договорились?

— Договорились. — Она помедлила, затем спросила тише: — Сержант, это ведь не обморок?

— Не обморок, — прямо ответил Хеми. — Идите домой, миссис Эллингтон, пожалуйста. Дальше мы сами. Есть порядок и протокол.

Ещё час фестиваль существовал по инерции, уже не будучи праздником. Одни сворачивали лотки, другие стояли и смотрели, кто-то плакал, кто-то звонил. Потом Линда, бледная и собранная, с мэрской цепью поверх куртки, отменила остальную программу. Микрофон не понадобился: она сказала тем, кто стоял тут же, и известие пошло по цепочке.

Гирлянды снимали молча. Хор разошёлся, так и не допев. Площадь быстро опустела, словно праздник всем померещился. Остались пресс, стол с опечатанным кубком и запах винограда, теперь неотделимый от случившейся беды.

Маргот отправилась домой пешком, хотя усталость настойчиво советовала такси. Начался мелкий осенний дождь. Зонта она не взяла: на фестиваль ведь идут с надеждой на хороший день, а не с зонтом. К сожалению, от дождя надежда не защищала.

В голове звучало последнее слово Виктории: «Горчит». Она произнесла его с таким удивлением, словно вино не имело права её подвести. А Дайана потом держалась за край стола белыми пальцами, точно утопающий за борт лодки.

Винодел отогнала сравнение. Пока слишком рано, пока есть только кубок, горечь, стол и побелевшие пальцы. Факты следовало собирать по одному, как ягоды. Вино из них получится позже.

Не выходила из головы и улыбка Дайаны во время объявления о продаже. «Прогресс», конгломерат, конец независимым погребам — а значит, конец её собственному делу, всей жизни, которую она здесь выстроила. Маргот знала эту правильную улыбку. Сама так улыбалась пятнадцать лет назад, когда Фрэнк говорил о застройщиках. Тогда они разошлись: ей остался погреб, ему — земля и деньги. Ей казалось, что выиграла она. Сегодня уверенности поубавилось. Прогресс всё равно приходил; вопрос заключался в цене и в том, кто будет платить. Сегодня Виктория заплатила жизнью, а Дайана сначала улыбалась, потом держалась за стол и молчала.

Может быть, так улыбается человек, оглушённый горем? Или Маргот просто приписывает знакомому лицу то, чего боится сама? Она шла под дождём и страшилась додумать мысль до конца. Дайана была подругой — женщиной, которая долгие годы подавала кубки и приносила домашнее рагу. Нельзя одним подозрением перечеркнуть всё, что о ней знаешь. Но и отмахнуться от увиденного нельзя.

Нужно разложить наблюдения по полочкам, как любит Элеанор. Расследование уже началось там, на площади, с одного слова «горчит», даже если они ещё не успели это признать. Маргот знала по бочкам: достаточно трещины, чтобы началась течь. Теперь трещина появилась в самой Бухте, и оставалось только гадать, что она унесёт с собой.

Дома Маргот достала отцовский секатор и долго разглядывала потёртую ручку и инициалы на лезвии. «Режь смело, девочка». Всю жизнь она следовала этому совету, но теперь, воз-

можно, предстояло резать по живому — по дружбе и по Бухте, добираясь до правды. Секатор молчал, не предлагая ни утешения, ни оправданий.

Она позвонила Элеанор. Та ответила после первого гудка, как ждала у телефона.

— Ты видела? — спросила Маргот без предисловий.

— Каждый видел. — Голос Элеанор звучал непривычно плоско. — Маргот, Джесс задержали.

— Что? Как задержали, за что?

Подруга опустила на ближайшее сиденье, но облегчения не почувствовала: новость была сильнее усталости.

— Её кейтеринг накрывал стол у пресса. Все видели их ссору из-за счетов, тех самых, неоплаченных за полгода. Хеми задержал её по протоколу и при этом извинялся. Представляешь? Извинялся и задерживал. Теперь Джесс в камере. Наша Джесс, которая печёт содовый хлеб.

— Я сейчас приеду, только соберу пакет.

— Я уже была у них. Принесла сэндвичи, термос и яблоко. Меня не пустили, только пакет взяли. Хеми велел не мешать следствию, я ответила, что систематизирую. Он не оценил. Маргот, ей нужна помощь. Мы не можем просто сидеть, пока она там одна.

Маргот посмотрела на виноградники под дождём, на гавань в тумане. Бухта, которую она считала безопасной, вдруг стала местом, где убивают на праздниках и сажают подруг в камеры. От этого она не перестала быть их Бухтой — скорее, ещё сильнее нуждалась в защите.

— Завтра утром приходи в погреб, — сказала она. — Будем разбираться, как в книгах, только теперь по-настоящему. Вытащим Джесс, найдём правду, а там посмотрим, как отстоять всех. Всё по порядку, поняла?

— Поняла. И спасибо тебе, Маргот. За то, что ты есть и что мы есть друг у друга. Вдвоём ведь справимся?

— Всегда справлялись, справимся и теперь.

Она произнесла это твёрдо, а положив трубку, заметила, что пальцы дрожат. Маргот разглядывала их с удивлением: сильные, точные руки винодела вдруг стали как чужими. Тридцать пять лет она делала вино, а это работа для тех, кто умеет терпеть и ждать, веря, что время всё исправит. Но иногда время ничего не исправляет, только проходит. Как прошли многие годы Дайаны в ожидании... чего?

Винодел тряхнула головой. Опять она уходила от фактов к догадкам, которых пока боялась даже назвать.

Она налила полбокала своего прошлогоднего резервного — не ради удовольствия, скорее чтобы прояснить мысли. Понюхала, покатала вино во рту и на этот раз не выплюнула. Сегодня можно было выпить.

— Горчит, чёрт побери, — сказала она пустой дегустационной. — И вино, и городок, и жизнь. Похоже, правда тоже будет горькой. Но придётся выпить её до дна, иначе нельзя. Мы здесь своих не сдаём. Даже ради удобной неправды.

Дождь уже шёл всю — первый настоящий дождь южной осени. Он стучал по крыше погреба, хлестал виноградники, мыл опустевшую площадь. Следы он мог смыть, но не то, что теперь значил для бухты этот день. Фестиваль открыли и закрыли за несколько часов; завтра должно было начаться другое дело.

Подруга допила вино, поставила бокал и отправилась спать. Впереди были Джесс, вопросы и ранний подъём, а значит, следовало отдохнуть хотя бы немного. Дождь стучал по крыше, дом спал тревожно и чутко, словно тоже собирался с силами.

Глава 5. «Задержание»

Участок Золотой Бухты занимал бывшую почту, чьи колонны выглядели чересчур торжественно для трёх камер и одного детектива-сержанта. Когда-то сюда приходили за письмами и марками, теперь — по совсем другим надобностям.

Элеанор Хейс сидела на скамейке у стены, где тридцать лет назад дожидалась посылки для библиотеки. На коленях она держала пакет для Джесс: сэндвичи с сыром, термос с чаем и яблоко. В беде люди забывают есть, а Элеанор старалась не забывать ничего. Сейчас она чувствовала себя героиней очень плохого романа. В хороших романах подруг героинь не сажают за решётку — по крайней мере, до двухсотой страницы. А она уже на второй день фестиваля сидела в участке с термосом, ощущая, будто каталог её жизни рассыпали по полу.

По дороге сюда пришлось пройти через площадь, где ещё вчера висели флажки. Элеанор шла без зонта: в спешке оставила дома, собираясь выручать подругу, а не гулять под дождём. Хор разошёлся, пресс стоял под брезентом. Только жёлтая полицейская лента трепыхалась на ветру, чужая этому месту, словно сдавшийся флаг. Или закладка на странице, которую очень не хочется перечитывать, но придётся.

— Миссис Хейс, вы вновь здесь, — сказал Хеми Ропата, выходя из кабинета.

По виду он не спал сутки, хотя с происшествия ещё не прошло столько времени. Глаза покраснели, плечи опустились, но спину он держал прямо, точно это входило в обязанности детектива-сержанта.

— Здесь, на этой скамейке, я впервые, — уточнила Элеанор с библиотечной точностью. — Вчера дальше передачи пакета дело не пошло. И сегодня я всего лишь сопровождающее лицо пакета для Джесс О'Коннор. Внутри сэндвичи, чай и яблоко, ничего запрещённого. Можете проверить.

— Пакет я передам. Содержимое приемлемое, а сопровождающее лицо может идти домой.

В голосе Хеми мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Как она? — тихо спросила Элеанор.

Говорить громче не получалось: впервые за много лет ей было по-настоящему страшно, причём не за себя. За подругу бояться оказалось гораздо тяжелее.

Хеми помолчал, посмотрел на дверь, за которой находились камеры, и ответил так негромко, что Элеанор пришлось наклониться к нему:

— Напугана, но держится. Спрашивала, кто утром откроет кофейню. Я сказал, что городок её не оставит. Это не совсем по процедуре, она у нас больше про бумаги, а не про городок. Не записывайте, пожалуйста. То есть вы, конечно, вправе... Просто поймите по-человечески.

— Вы и поступили по-человечески, — твёрдо сказала библиотекарь, как ставила окончательный штамп в формуляре. — Сержант, могу я узнать основания задержания? Официально, для понимания. Пока не для подкаста.

Хеми отпил из бумажного стаканчика чай, который ему принесла Джесс ещё утром, до всего случившегося: чай был с чабрецом, душистый и горячий, и в нём чувствовалась та самая забота, которую Джесс разливала по чашкам каждый день. Элеанор вдруг подумала, что в Золотой Бухте люди редко говорят о любви прямо, зато постоянно наливают друг другу чай, подкладывают хлеб и помнят, кто как пьёт. Дружба здесь измерялась вот такими стаканчиками, переданными вовремя. И даже строгий протокол не мог отменить того, что городок уже решил: своих не бросать, а кормить и ждать.

Хеми вздохнул и сел рядом, нарушив положенную дистанцию между полицией и сопровождающими лицами пакетов.

— Её кейтеринг стоял у самой давилъни. Ссору с Викторией видели сорок человек; я пересчитал показания, миссис Хейс. Полгода неоплаченных счетов дают понятный мотив — деньги. Мне самому неприятно это произносить. Я три года каждое утро пил у неё кофе, понимаете? Каждое утро, а теперь приходится разбираться в таком.

— Они ссорились из-за денег, а не из ненависти. Джесс не убивает за долги, она их прощает. У неё под прилавком лежит книга, где прощённые долги отмечены крестами. Проверьте, пожалуйста. За этими крестами настоящие люди, они подтвердят. Это не только просьба подруги, сержант. Считайте, что я даю показания, пусть и косвенные.

— Проверю, — пообещал Хеми. — Но вы, пожалуйста, не мешайте следствию. Задаёте людям вопросы, а потом они отвечают мне заученно. Мне нужны их собственные, неподготовленные ответы.

— Я библиотекарь, — с достоинством сказала она, поднимаясь и поправляя пакет. — Я ничего не порчу, а систематизирую. Это разные глаголы, можете проверить по словарю. Ваши свидетели долгие годы были моими соседями. Здесь и без меня всё испортилось вчера, у пресса. Всего хорошего, сержант. Только чай передайте, пока тёплый. Он остывает, а людям сейчас нельзя оставаться без тепла.

Она оставила пакет и пошла домой той же дорогой. Площадь встретила её настойчивым мелким дождём. Мокрый пресс под брезентом напоминал тяжёлый тёмный памятник; жёлтая лента всё ещё билась на ветру. Оттого, что Элеанор проходила здесь второй раз за утро, зрелище не становилось привычнее.

Она думала о Джесс в камере, о красных глазах Хеми, о тёплом пакете и о Золотой Бухте, которая ещё вчера казалась безопасной. Вода стекала за шиворот, туфли промокли, настроение тоже. Единственное, чего дождь не мог взять, была решимость. Она, как выяснилось, оказалась водонепроницаемой.

Дома её ждала Маргот с открытой бутылкой. Впервые за все годы знакомства она открыла вино не для дегустации, а просто чтобы налить и выпить вместе. Элеанор даже остановилась в дверях: настолько это было не похоже на подругу. Обыденный жест выглядел знаком конца прежнего мира — или начала чего-то нового. Сегодня, пожалуй, и того и другого.

— Рассказывай всё с начала и по порядку, — сказала подруга. Один бокал у неё уже был налит, второй ждал. — Я записываю.

Она показала новый чистый блокнот, очевидно купленный сегодня. Влияние Элеанор оказалось заразительным и, похоже, неизлечимым.

Библиотекарь рассказала про участок, усталого Хеми и его обещание, не предусмотренное процедурой. Про ссору из-за денег, полгода неоплаченных счетов, стол у пресса и задержание. Про книгу с крестами под прилавком, которую нужно проверить. Маргот слушала, кивала и подливала вино. Дважды она промахнулась мимо собственного бокала. Элеанор заметила: для подруги такое было признаком крайнего волнения. Библиотечный взгляд и дома не давал отдыха.

— Теперь твоя очередь, — сказала она, когда рассказ закончился, а вино почти подошло к концу. — Что за горькая нота, о которой ты говорила Хеми у пресса? Что именно ты почувствовала?

Маргот ответила медленно, как объясняют самое важное:

— В этом вине позднего сбора горечи быть не должно. Оно сладкое и густое, сладость многое скрывает. Если посторонняя горечь всё равно пробивается, значит, её слишком много. По-моему, в вино что-то добавили. Это не похоже ни на брожение, ни на испорченную пробку. Кто-то сделал это намеренно и заранее.

— Что именно добавили?

— Пока не знаю, но узнаю.

Винодел обернулась в окно на дождь, мокрый городок и гавань в тумане.

— Тридцать пять лет моё небо меня не подводило, в отличие от людей. Люди обманывали регулярно. А небо честное, как кот. Или как ты, Эл. Наверное, поэтому мы и дружим: две честные женщины в Золотой Бухте, где каждый что-нибудь скрывает. Нелёгкое занятие, скажу тебе.

— Что будем делать?

— Ждать, думать и принохиваться. — Маргот подняла бокал. — А сейчас выпьем за Джесс, чтобы её скорее отпустили, и за правду, чтобы нашлась. Хотя правда, как вино, не всегда бывает готова быстро. Что ж, ждать мы умеем. Мы пенсионерки, у нас впервые в жизни есть время. Пора распорядиться им с толком.

В дверь вполголоса постучали — неуверенно, как стучат люди, которые надеются, что им рады, но не вполне в этом убеждены. Элеанор пошла открывать.

На пороге стояла Дайана Флетчер с кастрюлей. Запах заставил Барнаби выйти из укрытия и усесться в коридоре с видом незваного гостя, который всё равно останется. Рагу с бататом было убедительнее кошачьего достоинства.

— Вы ведь ничего не ели, — сказала Дайана.

Глаза у неё покраснели, а кастрюлю она держала перед собой обеими руками.

— Я готовила и прикинула о вас. Сидите здесь одни, без новостей... Принесла рагу с бататом, ещё горячее. Горячее помогает, знаете? Не лечит, конечно, но всё-таки помогает. За многие годы проверено.

Кастрюля дышала теплом: сладкий батат разварился до медовой мягкости, морковь и лук пропитались густым соусом, а сверху лежала веточка тимьяна, от которой шёл тихий душистый пар. Элеанор разложила рагу по глубоким тарелкам, отрезала по ломтю хлеба Джесс, чтобы макать в соус, и разлила по кружкам горячий чай с лимоном. Первый глоток и первая ложка всегда были самыми честными: тело вспоминало, что его любят, и страх немного отступал. Даже Барнаби потянулся носом к теплу и уселся поближе, делая вид, что просто проходил мимо.

Хозяйка книжного подумала, что дружба в их возрасте уже не нуждается в громких словах и обещаниях. Она измеряется простыми вещами: кто принесёт еду, когда ты забыл поесть, кто посидит поблизости, когда нечего сказать. В Золотой Бухте люди не спрашивали «чем помочь», а просто приходили с кастрюлей, с термосом, с хлебом. Такая забота не требовала благодарности, она требовала только одного — передать её дальше, когда придёт твой черёд.

Телефон на полке мигнул: улица гудела, как растревоженный улей. Соседи писали, что кофейня Джесс завтра откроется вовремя, что кто-то уже вызвался стоять за прилавком, а Хлоя скинула ссылку на свой новый ролик «Канун фестиваля» и просила «поддержать просмотром, а не только пирожком». Умная колонка в углу вдруг ожила и бодро предложила «рецепт рагу из батата за тридцать минут», и все трое, включая кота, вздрогнули. Элеанор шепнула колонке «спасибо, у нас уже есть», и та вежливо погасла, как извинилась.

Она прошла на кухню с уверенностью человека, привыкшего кормить других, хотя руки заметно дрожали. Разложила еду по тарелкам, поставила перед подругами, а себе не взяла — то ли забыла, то ли не захотела. Села и вдруг заплакала.

Плакала она беззвучно, как человек, не умеющий позволять себе слёзы при посторонних. Все эти годы держать лицо, а потом вдруг не удержать — это было страшно видеть. Никто не решался её торопить или утешать привычными словами.

— Мы долгие годы были вместе, — сказала Дайана сквозь слёзы. — Я сама подавала ей кубок. И в этот раз тоже, сама. Если бы только я знала... Если бы можно было вернуться на день, на час, хотя бы на минуту! Я бы всё отдала за эту минуту. Понимаете, всё.

Элеанор крепко обняла её: когда помочь больше нечем, остаётся хотя бы быть тут же. Маргот налила полный бокал резервного, не пожалев вина, и Дайана выпила его залпом, как воду, точно не чувствуя вкуса. Так пьют, чтобы забыться хотя бы ненадолго.

Затем она быстро и сердито вытерла лицо и встала.

— Простите, я пойду. Распустилась совсем, непрофессионально. Завтра нужно решать дела поместья, заниматься похоронами. Адвокаты, бумаги, подписи — теперь всё на мне. Многие годы была тенью, а теперь за всё отвечаю. Вот ведь ирония, до чего болезненная.

После её ухода подруги долго молчали. Рагу остывало, за окном стучал дождь, Барнаби ел с методичностью и достоинством, которых требовало серьёзное дело.

— Она убита горем, — наконец слегка слышно сказала подруга.

— Да. — Маргот помедлила и продолжила ещё тише: — Только каким именно, Эл? Она скорбит о потере или мучается виной? А может, боится? Я не знаю, но когда-нибудь спросить придётся. Не сегодня, сегодня слишком рано. Сейчас у нас рагу, а завтра начнём разбираться по-настоящему.

Барнаби доел свою порцию принесённого Дайаной рагу. Ему тоже положили: в этом доме за столом никого не обделяли по видовому признаку. Он фыркнул и отправился спать на детективы.

Рагу было прекрасным, горе Дайаны — настоящим. Вопрос Маргот остался в воздухе, не становясь от этого менее страшным. Элеанор не ответила, потому что ответа у неё не было. День вышел незаконченным: начатые разговоры, несостоявшийся праздник, оборванная жизнь. Оставались дождь за окном и обязанность продолжать, даже не зная, куда это приведёт.

Ночью она села записывать выпуск подкаста. Прежде так поздно не работала, и голос никогда ещё не дрожал настолько заметно. Перезаписывать она не стала. Слишком ровная речь сейчас была бы просто чтением текста, а её подкаст всегда рассказывал о настоящем.

Она говорила тихо, чтобы не разбудить дом. Барнаби, казалось, спал; Маргот ушла к себе, хотя Элеанор подозревала, что та тоже сидит без сна. Подруги умели заверять друг друга, что всё в порядке, и не верить этим заверениям.

— Сегодня наш городок перестал быть безопасным. Задержана моя подруга Джесс — та самая, которая кормит всех в долг и смеётся громче остальных. Теперь она в камере. А погибла Виктория Эшфорд, женщина, которую здесь знал каждый. Многие её не любили, но она была частью нашей Бухты, и теперь её нет. Я хочу сказать вот что: мы найдём правду. Не потому, что мы детективы. Мы всего лишь библиотекарь и винодел, две пенсионерки. Но городок своих не бросает. Даже если сейчас под этим словом скрываются две женщины, один кот и двести слушателей подкаста. Пусть нас немного, этого должно хватить. Нам больше не на кого рассчитывать, кроме друг друга.

Библиотекарь выключила диктофон и осталась сидеть в темноте. Оказалось, Барнаби не спал: лежал рядом и слушал. Теперь он медленно моргнул. Обычно это означало «посмотрим», но сегодня в его взгляде было что-то мягче и теплее, практически согласие: ладно, я с вами, будет как будет, а мы вместе.

Коты не говорят лишнего. В этом Барнаби напоминал Маргот: коротко, как и по делу. Для этой ночи, для дрожащего голоса и для начала большого трудного дела такого ответа было достаточно.

Глава 6. «Горькая нота»

Слухи в Золотой Бухте распространялись со скоростью сплетни, помноженной на скуку, — то есть чуть не мгновенно. Чай не успевал остыть, а Барнаби — добраться до миски, хотя в этом виде состязаний равных ему не было. К утру после убийства городок уже знал всё. Вернее, думал, что знает: Элеанор непременно указала бы на разницу, но слушать её сейчас никто бы не стал. Людям требовались ответы, желательно немедленно, тогда как правда нуждалась в выдержке, как хорошее вино. Слухи больше походили на пиво: быстро бродили и ударяли в голову. Пока городок предпочитал пиво.

За один поход в булочную Маргот узнала столько, что хлеб можно было считать бесплатным приложением к новостям. Она шла по привычному маршруту, в привычное время, и всё же это утро было другим — первым после тоста, после слова «горчит», после смерти у прессы. Только хлеб на полках оставался прежним. В нём было что-то утешительное: люди менялись, городок уже не был таким, как вчера, а хлеб ещё можно было считать вне подозрений. Хотя в детективах, кажется, случалось и с хлебом... Маргот решительно оборвала эту мысль. Хоть что-нибудь следовало оставить в покое.

Миссис Пайк накануне получила у Элеанор новинку и читала до утра. Недосып ничуть не мешал ей чувствовать себя знатоком уголовных дел. Увидев Маргот, она понизила голос до шёпота, который прекрасно слышала вся очередь:

— Виктория уволила Джоша Барретта в то самое утро. При всех, у прессы! Поймала на краже: он у неё вино таскал, представляете? Парень и без того был на грани, а тут такое унижение. Уволила — и через час сама... Ну, вы понимаете. Совпадение? В детективах совпадений не бывает, мне Элеанор объясняла в подкасте!

— Подкаст у неё про книги, — напомнила Маргот. — Жизнь обычно сложнее. Иногда совпадения так и остаются совпадениями, а иногда...

— А иногда — нет! — торжествуя подхватила миссис Пайк. — Вот именно, запомните это. Хлеб вам с собой? Пожалуйста, до свидания! И ещё помните: садовника не было в книге. Проверьте садовников!

Сам булочник оторвался от печи, чтобы внести свою лепту. Он тоже зашептал, ничуть не уступая миссис Пайк в дальности распространения звука:

— А нашу Линду видели с Викторией накануне, у мэрии. Как же они ругались! Таких слов не то что напечатать — в протокол внести неловко. Я мимо шёл, совершенно случайно, вы не подумайте. Только и слышал: деньги, бассейн... да, в общем, всё сразу. Но ссора была, это точно.

Аптекарь протёр очки, что обычно предвещало особенно достоверные сведения. По осведомлённости он занимал здесь второе место после библиотекаря — этот титул ему присвоили общим голосованием три года назад. Первое за Элеанор закрепили пожизненно, без конкурса.

Подруга слушала его с вежливой улыбкой и думала, что слухи похожи на дрожжевое тесто, оставленное в тепле без присмотра. Сначала они вполголоса поднимаются на чужих словах, потом лезут через край и пачкают всё вокруг, а в конце всё равно оседают, потому что в них слишком много воздуха и мало веса. Правда же вела себя как хорошее тесто на опаре, которому нужно время и терпеливые руки. Она решила, что дома обязательно замесит что-нибудь простое и понятное, чтобы вернуть рукам привычное занятие, а мыслям дать время подняться как следует.

— Хлое Пак Виктория грозила судом, — сообщил он. — Письменно, через адвоката, из-за обзора. Девочка написала, что обращение с людьми там дрянное. Написала правду, но вы же знаете Викторию: критики она никому не прощала. А Хлоя стояла у прессы с камерой и всё снимала. Я ничего не утверждаю, только констатирую. Как фармацевт: точно и дозированно.

Соседка по очереди дождалась паузы и выдала самое страшное. О привидениях говорили бы с меньшим удовольствием:

— Дэниел-то, флорист, отраву выращивает! Туту эту. Я сама видела у него в питомнике: ягоды как бусинки, красота жуткая, а съешь — и конец. И черенки у него срезали неделю назад, ночью. Говорят, как раз для... ну, для того самого. А я у него розы покупала! Представляете, розы!

Маргот купила два хлеба — один домой, второй от нервов, — вежливо поблагодарила всех и вышла с полным списком подозреваемых и едва не пустой головой. Джош: кража и публичное увольнение. Линда: ссора, деньги, бассейн. Хлоя: угроза суда, камера, пресс. Дэниел: туту и ночная кража черенков. Получалось четверо, если не считать кого-нибудь, кто пока вообще не попал в список. Эта мысль была неприятнее остальных, и Маргот отогнала её. Начать хотя бы с перечня, а уж превратить его в каталог поможет Элеанор. Порядок нужен именно тогда, когда страшно.

По дороге она думала, как странно устроены сплетни. Правде нужно время, чтобы настояться и осесть, а слуху достаточно сквозняка из приоткрытой двери булочной. Люди передавали друг другу не столько сведения, сколько тревогу, и каждый добавлял в неё шепотку собственного воображения, как хозяйка добавляет соль, не пробуя суп. Маргот не сердилась на соседей за это, потому что за болтовнёй видела растерянность и желание понять, как жить дальше, когда привычный порядок треснул. Телефон звенел не умолкая, и она с усмешкой подумала, что сарафанное радио в Золотой Бухте давно работает быстрее оптоволокну, причём без всяких перебоев и тарифов. Она убрала звук, чтобы не отвлекаться, и решила, что вечером расскажет об этом Элеанор, потому что смеяться над собственными привычками было куда приятнее, чем пугаться их.

Днём, когда Маргот раскладывала покупки и безуспешно пыталась так же аккуратно разложить по полочкам подозреваемых, позвонил Хеми. Не дежурный по его поручению, а он сам. Личный звонок из полиции тревожил примерно так же, как личный визит стоматолога: трудно было представить, что он сулит что-нибудь приятное.

— Миссис Эллингтон, — начал Хеми таким официальным тоном, что она невольно выпрямилась. — Вчера у пресса вы говорили про горькую ноту. Мне нужно, чтобы вы повторили это для протокола, как эксперт. Сможете приехать сейчас? Я пришлю машину: так будет быстрее. И хотелось бы пока обойтись без лишнего внимания со стороны Бухты.

— Приеду, — ответила винодел, почувствовав, как сильнее стукнуло сердце.

После тридцати пяти лет практики её нёбо наконец получило официальное признание. Жаль только, что повод оказался таким.

— С секатором или без?

Хеми выдержал подозрительно долгую паузу.

— Пока без. Надеюсь, он нам вообще не понадобится.

Машина приехала через десять минут. Разумеется, её увидел весь городок: полицейский автомобиль у погребя нельзя было оставить без внимания. Маргот почти не сомневалась, что к вечеру её уже «арестуют», к утру она «во всём сознается», а послезавтра об этом забудут ради следующей новости. На слухи и на забвение Золотая Бухта была одинаково скоро. Медлила только правда, которой ещё предстояло настояться.

В участке её ждали Хеми, приготовленный протокол, опечатанный кубок и эксперт из Данидина, мистер Коул. Последний смотрел на неё с профессиональным снисхождением человека, которого давно ничем нельзя удивить, тем более провинциальной пенсионеркой, претендующей на специальные знания.

— Нюхайте, — предложил он, открывая контейнер неторопливо, давая рассмотреть.

Винодел наклонилась, вдохнула запах и закрыла глаза. Немного помолчав, она заговорила медленно и как:

— Прошлогоднее вино позднего сбора, с высоким содержанием сахара и полным телом. Под сладостью чувствуется растительная горечь, достаточно сильная, чтобы пробиться сквозь сахар. Это не брожение: оно дало бы другой тон, кислый. И не пробка — от неё пахло бы мокрым картоном, а здесь горькая трава. Должно быть ещё онемение на кончике языка, проверьте. По-моему, что-то добавили намеренно и недавно, не больше суток назад. Точнее скажет лаборатория.

Коул перестал смотреть на неё сверху вниз. Несколько секунд он молчал, а потом спросил уже совсем другим тоном:

— Три компонента букета, с закрытыми глазами, безошибочно... Где вы учились?

— На ферме в Отаго, у отца. А потом тридцать пять лет практиковалась. Практика, мистер Коул, страшнее диплома: диплом можно повесить на стену, а её уже никуда не денешь. Она у тебя внутри.

Для протокола Маргот повторила главное: горечь под сладостью позднего сбора, не связанная ни с брожением, ни с пробкой; вероятная растительная добавка. Она поставила подпись и дату, с удовлетворением отметив, что здесь, по крайней мере, всё оформляли как положено.

— Туту? — негромко спросил Хеми.

Вопрос прозвучал чуть не случайно, но Маргот уже знала: этот детектив-сержант ничего не спрашивал наугад. Он был дотошным и честным — редкое сочетание, которое следовало ценить.

Она замерла, затем медленно повернулась к нему.

— Откуда вы знаете про туту?

Собственный голос показался ей слишком ровным. Вчера она уже говорила так с Дэниелом, расспрашивая про школу, про проект... Сейчас нельзя было отвлекаться на это воспоминание. Нужно было слушать Хеми.

— Дэниел Рейес выращивает его по договору с советом, для восстановления зарослей, — ответил он. — Неделию назад у него ночью срезали черенки. Заявление у меня на столе, с датой и номером. Вчера вы упомянули горькую ноту, сегодня говорите о растительном происхождении примеси. Это может быть туту, миссис Эллингтон?

В наступившей тишине было слышно, как Коул записывает. Потом и его ручка остановилась: оба мужчины ждали ответа.

— Может, — наконец сказала она, осторожно подбирая слова. — Но мало знать, что растение ядовито. Его готовят определённым образом: вываривают, процеживают, подбирают концентрацию по горечи. При ошибке оно либо не подействует, либо добавку сразу заметят. Об этом знают немногие, а умеют ещё меньше. Мне отец показывал в Отаго, когда было девять лет. Сказал: «Красивая — и убьёт, не трогай». На всю жизнь запомнила. Кто ещё здесь это знает, я вам не скажу, потому что не знаю. Туту — возможно; кто готовил — пока неизвестно. Но я тоже хочу выяснить. Вместе с вами или раньше вас, уж как получится.

— Выясним, — сказал Хеми, а затем понизил голос. — Только вы понимаете, что теперь и сами попадаете в список? Вы знаете яд, у вас был доступ к фестивальному вину. При большом желании можно поискать и мотив. Я обязан всё проверить. Пожалуйста, без обид.

— Понимаю. Проверяйте, я буду только рада, потому что я этого не делала. Зато кто-то сделал, сержант. Этот человек ходит по моей Бухте, по моим улицам. Пил моё вино на дегустациях, улыбался мне, а потом налил горечь в сладкое и подал в серебряном кубке — «в знак примирения». Найдите его. Или её. Это требование жительницы, налогоплательщицы и пенсионерки с секатором.

Хеми впервые за всё время их знакомства по-настоящему улыбнулся.

— Понял. Будем искать вместе: вы разбираетесь в запахах, я проверяю остальное. И спасибо за честность, миссис Эллингтон. Она ценится даже в протоколах.

По дороге домой Маргот впервые за день стало страшно. Не за себя: за вычетом стоматологов и врачебных счетов, которых бояться все, она мало чего опасалась. Пугало другое. Её знания, привычная незаметность, погреб и городок вдруг оказались поблизости со словом «подозреваемая», записанным чёрным по белому. Из протокола это уже не вычеркнешь, как не сотрёшь татуировку. И какая же горькая правда ждала их впереди, если даже начало было таким?

Хозяйка книжного встретила её с двумя чашками чая и лицом человека, которому уже обо всём доложили. Новости, конечно, опередили полицейскую машину, но подруге и доклад был не особенно нужен: она многое чувствовала на расстоянии. Выслушав Маргот без единого замечания — подвиг, достойный отдельной записи, — Элеанор спросила о самом главном:

— У тебя есть алиби?

— Я стояла у своего лотка, меня видели человек сто. Больше свидетелей, пожалуй, только у Линды на сцене. Мы с ней чемпионы по алиби, о котором прежде и не думали.

— Вот и хорошо. А желание защищать — это не мотив для убийства, Маргот. Это мотив жить. У тебя душа винодела: ты выращиваешь, а не уничтожаешь. Давай свой новый блокнот, сейчас всё разложим по полочкам. Пиши: «Маргот — алиби, сто человек. Мотив — жить». Подпись и дату тоже поставим: наш домашний протокол должен быть не хуже официального.

— По полочкам, — согласилась Маргот и улыбнулась.

Элеанор разлила чай по большим толстостенным чашкам, которые долго держали тепло, и кухня сразу наполнилась густым душистым паром. Чай был чёрный, с чабрецом и тёплой медовой нотой, а тут же на блюде лежали овсяные печенья с кусочками тёмного шоколада, ещё слегка мягкие в середине. Маргот обхватила чашку обеими ладонями, вдохнула аромат и почувствовала, как напряжение понемногу отпускает плечи. Первый глоток оказался бархатным и согревающим, с лёгкой травяной горчинкой, которая так приятно оттенялась сладостью мёда. Она откусила печенье, рассыпчатое и маслянистое, и сообразила, что такие минуты держат человека не хуже перил на крутой лестнице. Пока чай не остыл, можно было просто сидеть возле подругой и верить, что порядок вернётся, пусть и не сразу.

Чай, подруга и эти простые слова — «мотив жить» — вернули ей почву под ногами. Всё-таки библиотекари умели обращаться со словами: как и смело, как она сама с секатором. Учиться этому можно было всю жизнь, и хорошо, что жизнь ещё продолжалась.

Вечером Хеми отпустил Джесс под подписку, до выяснения обстоятельств. Хронология не сходилась: в нужное время она находилась в кофейне, что подтверждали свидетели, касса и чеки. Не совпадали и отпечатки. На кубке обнаружили следы Виктории и ещё чьи-то, пока неопознанные. Хеми ограничился словом «работаем», и Маргот поняла, что ждут лабораторию.

Джесс вышла из участка помятая, злая и голодная. Она так крепко обняла подруг, что у Элеанор затрещали рёбра, а потом объявила на всю улицу, чтобы слышали и полиция, и городок, и сама судьба:

— Утром открываю кофейню! Кто не придёт, тот не друг. Все поняли? А теперь домой, к плите: я сутки не ела. Тюремная еда... да какая там еда! Жить хочу, и есть тоже!

Бухта пришла целиком. Очередь тянулась до угла, кофейня чуть вмещала всех желающих, а «долговая книга» пополнялась новыми крестами: в этот день ели все, даже те, кому нечем было заплатить. Над тарелками вытирали глаза и ещё раз принимались за еду. Джесс плакала над плитой и уверяла, что виноват лук. Никто с ней не спорил, хотя все знали, что лук здесь ни при чём. Иногда молчание передаёт правду лучше слов; это был именно такой день — день возвращения к своим.

Ночью Маргот стояла у окна и смотрела на тёмные виноградники. Кто-то в её Бухте знал туту так же, как она. Возможно, тоже вырос на ферме, с детства запомнил предупреждение и сохранил это знание в руках. Но кто? Дэниел рассказывал о растении, однако рассказ ещё

не означал, что он готовил яд. Перед глазами вставали пересчитанные горшки, квитанция, его честный испуганный взгляд. Ей не верилось, что это он. Сама она знала достаточно, но у неё было алиби и, как сказала Элеанор, мотив жить. Значит, оставался кто-то ещё, незаметный, как она сама, только сумевший обратить свою незаметность во зло.

Кто-то ночью профессионально срезал черенки и не оставил следов — вероятно, работал в перчатках. Если так, он подготовился заранее, задолго до того, как горечь оказалась в вине. А затем подал серебряный кубок с улыбкой и словами «в знак примирения». С кем предлагалось примириться? С прошлым, с совестью, с тридцатью прожитыми годами?

Подруга тряхнула головой. На сегодня хватит; завтра они снова сядут с Элеанор над блокнотом и будут разбираться вместе. В одиночку этого не выдержать, а выдержать придётся — ради бухты и тех, кто ещё верил друг другу.

Она достала отцовский секатор и некоторое время держала его в руках. Потёртый металл холодил ладонь, под пальцами чувствовались инициалы. Отец учил: «Режь смело, девочка», — и всю жизнь она так и делала. Теперь же, похоже, предстояло резать по живому: по дружбе, по привычной жизни Бухты, по тому, что она прежде считала правдой. Секатор, надёжный и бессловесный, не мог ни возразить, ни утешить.

— Ничего, разберёмся, — сказала она темноте за окном и той, что поселилась внутри. — По полочкам и по косточкам, как Элеанор учит. Как отец учил. Не дождёшься, чтобы мы отступили.

В воздухе пахло переменой — погодной или какого-то другого рода. Уточнять никто не собирался.

Глава 7. «Вырезанная»

Библиотека Золотой Бухты пахла так, как и полагается библиотеке: пылью старых страниц, клеем починенных переплётów и чужими жизнями. Каждая книга, побывавшая в чьих-то руках, точно сохраняла частицу своего читателя. Элеанор любила этот запах больше морского воздуха, роз и даже свежего хлеба. Последнее она благоразумно скрывала от Джесс: дружба с женщиной, которая печёт лучший хлеб в регионе, требует известных жертв.

В девять утра Элеанор, как всегда, открыла книжный. Зазвенел колокольчик, Барнаби изобразил пробуждение по случаю начала рабочего дня. Все понимали, что на самом деле он проснулся в ожидании вечернего тунца, но ритуал был соблюден. Покупателей едва не не оказалось: городок ещё приходил в себя. После убийства люди непременно потянутся к книгам за утешением, только сначала им были нужны кофейня, тепло и другие люди. Книги требовали тишины, а её пока заглушали слухи, страх и вопросы без ответов.

Библиотекарь вытерла пыль, полила Гертруду, записала выпуск подкаста и отправилась туда, где тишина имела в избытке: в библиотечный подвал, к газетным подшивкам, хранившим полвека наш памяти.

В архиве пахло сыростью и старой типографской краской. Над столом гудела лампа, в её свете кружилась пыль. Элеанор листала «Вестник гавани», пока ещё не представляя, что ищет. Она лишь знала по опыту: иногда нужно просмотреть достаточно страниц, чтобы нужное само зацепило взгляд. Газеты, в сущности, тоже книги, только торопливые и нервные, слишком занятые сегодняшним днём. Но собранные по годам, они становились историей, которая помнила в том числе и то, что людям хотелось забыть.

Утренний подкаст был о Джесс. Элеанор записывала его за чаем и не стала убирать дрожь из голоса, когда рассказывала об очереди до угла, о крестах в «долговой книге» и о Бухте, пришедшем в кофейню. Невинность тоже заслуживала новостей — сейчас, пожалуй, прежде всего. Выпуск разошёлся быстрее газеты, что неудивительно: та выходила раз в неделю, тогда как страх и надежда менялись каждый час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.